

HARMAN STRIKES BACK

Грэм Харман

Тристан Гарсиа и вещь-в-себе

Опубликовано в 16 номере журнала *Parrhesia* за 2013 год

Редким удовольствием является для меня этот обмен репликами с Тристаном Гарсиа, чья завораживающая книга *Forme et objet* скоро появится в английском переводе¹. Гарсиа уже написал дружелюбный и проницательный анализ сходств и различий между нашими философиями, которые, по его словам, «демонстрируют редкий пример путей мышления, которые пересекаются и встречаются в некоторых местах и понятиях, даже если они исходят из различных горизонтов и традиций, и стремятся к разным целям». Я нахожу мало поводов для несогласия с его представлением моих идей – или же его собственных, если на то пошло. У нас все еще есть расхождение во мнениях, когда речь заходит о философских принципах. Среди прочего, Гарсиа прав в своем замечании о том, что мое мышление является менее диалектическим, чем его. Но мое сопротивление диалектике в онтологии не распространяется на ее мощное присутствие в биографии. Мы лучше всего выражаем свои идеи, сравнивая их с идеями близких мыслителей, заставляющих нас артикулировать то, что ранее осталось невыраженным в наших работах. Этот процесс может быть затяжным, разворачивающимся не только в концептуальном пространстве, но еще и в биографическом времени: в личных встречах, ряде ответных ударов и даже в интервалах напряжения. Я все еще многому учусь благодаря расхождению во мнениях – после четырнадцати лет знакомства с Бруно Латуром и вдвое меньше с Квентином Мейясу – и ожидаю узнать не меньше на протяжении, я надеюсь, будущих десятилетий коммуникации с Гарсиа. Нынешний ответ является всего лишь вступительной сценой пьесы, дата окончания которой все еще остается неизвестной.

1 Tristan Garcia, *Forme et objet: Un Traité des choses*. Paris: Presses universitaires de France, 2011). Английский перевод Марка Аллана Ома и Джона Корберна должен появиться в конце 2013 или в начале 2014 года в редактируемой мной серии «Спекулятивный реализм» в Edinburgh University Press. Для детального пересказа оригинальной французской версии см.: Graham Harman, “Object- Oriented France: The Philosophy of Tristan Garcia,” *continent*, Vol. 2.1 (2012), 6-21. К этому времени уже вышел английский перевод книги: Tristan Garcia, *Form and Object: A Treatise on Things*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014 (Прим. пер.).

На полпути в своей статье Гарсиа выражает, вероятно, центральный пункт расхождения между нашими позициями:

«Заслуживающей внимания особенностью проекта Хармана является его переоценка вещи-в-себе. Согласно с ним, реальный объект всегда ускользает, недоступный и в-себе. Мы знаем, что этот анализ происходит из его перепрочтения хайдеггеровского инструментального анализа [...]. Впрочем, модель, предлагаемая мной, другая. Для меня, в-себе [есть] противоположность *Формы и объекта* [...]. В моей модели вещь всегда существует вне-себя, и есть или в чем-то ином, чем вещь, или в другой вещи. Но вещь в-себе является бессмыслицей для меня. Точнее, в-себе – это фигура бессмыслицы, то, что я называю “сжатостью”».

Отсюда заглавие моего ответа: «Тристан Гарсиа и вещь-в-себе». Если я и Мейясу просто расходимся во мнении о том, у кого из нас правильное понятие в-себе (Мейясу считает, что оно – то, что можно математизировать, в то время, как для меня это является философским кошмаром²), то базовое расхождение с Гарсиа заключается в том, существует ли в-себе вообще. Остальные различия между нами сводятся, вероятно, к одному этому. Но для того, чтобы достичь точки, из которой видно – почему, полезным может оказаться, если я представлю объектно-ориентированную философию своими словами.

2 См.: Graham Harman, Quentin Meillassoux: *Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. Для позиции Мейясу, см. его уже классическую работу: Quentin Meillassoux, *After Finitude: Essay on the Necessity of Contingency*, trans. R. Brassier. London: Continuum, 2008 [Русский перевод: Квентин Мейясу, *После конечности: Эссе о необходимости контингентности*, пер. Л. Медведева. Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый, 2016].

1. Объектно-ориентированная философия: вдохновители и соседи

Философия Гарсиа и моя философия разделяют, по-разному, приверженность к «плоской онтологии», способной равно говорить обо всех вещах без их преждевременного редуцирования к другим. По этой же причине мы разделяем восхищение Австрийской школой последних десятилетий девятнадцатого века и первых десятилетий двадцатого. Вызванная к жизни харизматическим преподаванием Франца Brentano в Вене, Австрийская школа длительное время была занята статусом объектов. Феноменология Эдмунда Гуссерля (с Мартином Хайдеггером в качестве ее преобразующего наследного принца) возникла во многом благодаря интеллектуальной борьбе Гуссерля с замечательным польским студентом Brentano, Казимиром Твардовским, которого Гарсиа упоминает выше³. Твардовский проводил различие – куда более ясное, чем Brentano, – между *объектом* вне разума и *содержанием* в разуме. После длительной схватки с этими идеями Гуссерль парировал интеграцией обоих терминов в сферу сознания, где «объект» стал идеальной непреходящей единицей, а «содержание» превратилось в ряд перемещающихся оттенков объектов (*Abschattungen*). Апельсин, интендированный моим сознанием, находится не вне моего разума (как это было у Твардовского), но существует в качестве прочного ядра под различными кружащимися профилями апельсина, пока он спел

3 См.: Kasimir Twardowski, On the Content and Object of Presentations: A Psychological Investigation, trans. R. Grossmann, Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1977 [Русский перевод: Казимир Твардовский, К учению о содержании и предмете представлений. Психологическое исследование, пер. Я. Саноцкий, в: Логико-философские и психологические исследования, М.: Росспэн, 1997].

или пока я верчу его в руках. Объект vs. содержание – это больше не борьба между скрытым внешним миром и видимым миром опыта, но она становится напряжением внутри самого видимого. Метод феноменологии заключается в том, чтобы распутать эти два полюса, отделив один от другого таким образом, чтобы получить интуицию сущностных признаков апельсина и любых иных объектов: тех атрибутов, которые объект не может потерять, не став чем-то другим. Хайдеггера стоит интерпретировать как того, кто предпринимает, в сущности, *реалистическую* критику данного метода. Несмотря на то, что Хайдеггер так и не избежал кантианской корреляции между мыслью и миром, одинаково составляющих половину любой ситуации, о которой мы можем говорить, он бы не стал рассматривать апельсин как всего лишь длящееся ядро в рамках видимой области. Для Хайдеггера за любым присутствием всегда существует ускользание (*Entzug*), а имя того, что ускользает – Бытие. Хайдеггеровский вопрос о бытии следует рассматривать как дерзкую атаку на идеализмы Гегеля и Гуссерля⁴.

Философские предпосылки Гарсиа, в отличие от моих, не лежат в феноменологии. Он говорит об «аналитических и диалектических» корнях своего мышления, а под «аналитическими», я полагаю, подразумевает не что иное, как англо-американскую аналитическую философию, нашедшую множество приверженцев среди гарсиевского младшего поколения французских философов⁵. Гарсиа упоминает Гегеля и Витгенштейна среди своих основных вдохновителей. Но, все же, у мысли Гарсиа об объектах есть и австрийские корни, что может быть замечено в его радикальной защите *Gegenstandstheorie* Алексиуса Мейнонга от пренебрежения со сто-

4 См.: Graham Harman, *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago: Open Court, 2002.

5 Вероятно, центром циклона этой тенденции среди философской молодежи Парижа является группа Рафаэля Мийера АТМОС (*Atelier de métaphysique et d'ontologie contemporain*) в Высшей нормальной школе. Более того, именно во время презентации лекции для этой группы в январе 2012 года я впервые лично встретился с Гарсиа. Их достаточно наполненный вебсайт можно посмотреть здесь: <http://www.atmoc.fr/>.

роны аналитических героев, Бертрана Рассела и Уилларда Ван Ормана Куайна⁶. В этом отношении, спор между мной и Гарсиа может быть рассмотрен менее как битва между моей странной феноменологией и странной аналитико-диалектической позицией Гарсиа, но скорее как задержавшаяся гражданская война в рамках Австрийской школы. Ибо в то время, как Гарсиа защищает онтологию, еще более инфляционную, чем онтология Мейнонга, он утверждает, что я предаю плоскость, делая прочные объекты здравого смысла более реальными, чем их специфические воплощения в любой данный момент, и это не упоминая превращения их в более реальные, чем их же половины и третьи части, и даже меньшие доли. Или, как Гарсиа выражает это ближе к концу своей статьи:

«Объекты здравого смысла наполняют страницы работ Хармана: хлопок, бриллианты, единороги, яблоки, молотки, японские призраки, европейское сообщество. [...] Я думаю, что я стремлюсь равным образом относиться ко всем вещам, до той точки, где теряется здравый смысл вещей. Я думаю, что Харман стремится обеспечить здравый смысл объектов, до той точки, где уже не все одинаково рассматривается как объекты».

Несмотря на то, что я вряд ли стал бы использовать термин «здравый смысл», описывая объекты, вроде единорогов, японских призраков и европейского сообщества, оценка в целом верна. Гарсиа верно противопоставляет свой взгляд моему, когда добавляет: «Мой мир населен не только футбольными командами, словами, призраками, ошибками, золотыми горами и квадратными кругами, но еще и, прежде всего, частями пальцев призраков и частями частей, и частями этих частей во время t , и в настоящее мгновение, и сто мгновений назад, и десять секунд до того».

6 Лекция Гарсиа о Мейнонге, прочитанная 13 апреля 2012 года в АТМОС, должна вскоре появиться на английском, но в настоящее время французская PDF-версия доступна онлайн. См.: Tristan Garcia, "Après Meinong: Une autre théorie de l'objet," указано как Séance 23 по адресу: <http://www.atmoc.fr/seances/>.

Гарсиа вновь прав, утверждая, что «проект Хармана в значительной степени исходит из конфликта в феноменологии – между Гуссерлем и Хайдеггером». Давайте ненадолго вернемся к этому, настолько судьбоносному для объектно-ориентированной философии, конфликту между Гуссерлем и Хайдеггером⁷. Современная научная философия создает Гуссерлю плохую репутацию из-за очевидного (хотя и часто отрицаемого) идеализма его позиции. Феноменология полностью укоренена в том, как сущности *являются*, а это оставляет физическим наукам – с их все более увеличивающимся реестром вещей и естественных причин вне разума – только подчиненную роль. Я с радостью присоединяюсь к научной философии в полном отрицании феноменологического *идеализма*. Впрочем, ошибкой было бы рассматривать Гуссерля только лишь как идеалиста, так как он еще и *объектно-ориентированный* идеалист, как бы неправдоподобно ни звучала такая комбинация. В то время, как эмпиристская традиция рассматривает объекты как вымышленные пучки, которые видимо служат в качестве бесполезных и сбивающих с толку опор для более осязаемых качеств, Гуссерль – первый, кто рассматривает объекты как первичные составные части опыта, а качества как всего лишь *вторичные*. Все жалобы критиков на идеализм Гуссерля, как они ни оправданы, проходят мимо напряжения и драмы, открытых им *внутри* области феноменов и ее внутренней борьбы между интенциональными объектами и интенциональными качествами. В силу различных причин, я предпочитаю термины *чувственные* объекты и *чувственные* качества, а Гарсиа следует моему использованию, обращаясь к «чувственному» в статье выше. Это – одно напряжение, исследуемое объектно-ориентированной философией: дуэль между чувственными объектами и чувственными качествами, и Гарсиа прав, отождествляя это напряжение со *временем*. Опыт времени состоит в том, что чувственные объекты остаются относительно прочными посреди клубящихся изменений в их поверхностных аспектах. Если бы такого напряжения не

7 Для более развернутого рассмотрения см. первые главы в: Graham Harman, *The Quadruple Object*. Winchester, UK: Zero Books, 2011 [Русский перевод: Грэм Харман, *Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера*, пер. А. Морозов, О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс, 2015].

существовало, никому в голову не пришло бы говорить о чем-то, называемом временем.

Это подводит нас к Хайдеггеру. Тем, что беспокоило Хайдеггера, был приоритет, который феноменология предоставляла присутствию перед разумом, или «наличность» (*Vorhandenheit*)⁸. В своем судьбоносном инструментальном анализе – впервые представленном студентам в 1919 году, но опубликованном только в 1927 – он продемонстрировал, что на сущности, скорее, по большей части молчаливо полагаются или считают их само собой разумеющимися, чем присутствующими перед разумом. Тот факт, что мы обычно не осознаем органы нашего тела или атмосферный кислород, не меняет того факта, что они существовали все это время, предоставляя тайную поддержку тому, что бы там эксплицитно ни присутствовало. Реальность склонна становиться присутствующей только тогда, когда что-то идет не так: когда оно ломается, когда оказывается, что оно пропало. Космос – это непрерывная перестановка между отсутствием и присутствием, сокрытым и несокрытым, утаенным и открытым, подручным и наличным. Различие между бытием и сущими известно под техническим именем «онтологического различия». К сожалению, Хайдеггер использует его для двух различных целей, что приводит к распространенной путанице. В одном смысле, онтологическое различие означает ключевую интуицию, только что описанную: всегда существует нечто более глубокое, чем феноменальное присутствие, что-то скрытое, что время от времени врывается в присутствие. Но во втором и совершенно ином смысле, Хайдеггер использует «онтологическое различие», чтобы обозначить дистинкцию между единым и многим. В отличие от видимого мира с его изобилием индивидуальных ве-

8 Пожалуйста, отметьте, что хайдеггеровская критика присутствия не имеет ничего общего с критикой Деррида, кроме недоразумений со стороны Деррида на этот счет. Согласно Хайдеггеру, присутствию противопоставляется реальность глубже, чем его представление или его контекст. Но для Деррида такой вещи, как «глубже», нет: присутствию просто противопоставляется его нередуцируемость к какому-либо частному представлению или контексту. Ничто не существует, кроме означающих без трансцендентального означаемого. Неверное понимание Хайдеггера со стороны Деррида можно наиболее ясно проследить в: Jacques Derrida, *Of Grammatology*, trans. G. C. Spivak. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1998 [Русский перевод: Жак Деррида, *О грамматологии*, пер. Н. Автономова. Москва: Ad Marginem, 2000].

щей, ускользающее бытие предположительно не скрывает никакой множественности.

По этой причине хайдеггеровское презрение к присутствию часто принимает форму общего презрения к индивидуальным сущим. Это остается истинным даже для его поздних размышлений о «вещи», так как одним из измерений каждой вещи является «земля», а он, похоже, обнаруживает одну и ту же землю в основе всех своих варьирующихся примеров мостов, горшков, храмов и, более того, всех конкретных сущностей⁹. Не развивая здесь этот момент детально: унифицированная земля и унифицированное бытие философски несостоятельны. То, что в действительности ускользает в инструментальном анализе Хайдеггера, – это, скорее, *индивидуальные сущие*, чем невозможное монолитное бытие. И здесь мы обнаруживаем еще одну ось объектно-ориентированной философии. В то время, как Гуссерль обнаружил напряжение между чувственными объектами и чувственными качествами, Хайдеггера заботит отдельное напряжение между *реальными* объектами и чувственными качествами. Реальный молот – это не неподатливое феноменальное ядро, которое лежащим в опыте находит Гуссерль, но нечто более глубокое, чем любой опыт вообще. Если напряжение Гуссерля было отождествлено со временем, то хайдеггеровское должно быть названо «пространством», так как оно говорит о том же взаимодействии между отношением и не-отношением, которое мы подразумеваем, говоря о пространстве. В силу причин, о которых я говорю в своей книге *Четвероякий объект*, мы также должны освободить место в нашей модели еще для двух напряжений: реальные объекты vs. реальные качества (или *сущность*) и чувственные объекты vs. реальные качества (или *эйдос*). Исследовательская программа объектно-ориентированной философии состоит в том, чтобы исследовать различные напряжения или разрывы между двумя видами объектов и двумя видами качеств (производящие *время, пространство, сущность и эйдос*), а также в равной мере исследовать

⁹ См. замечательный цикл лекций 1949 года: Martin Heidegger, “Insight Into That Which Is,” in *Bremen and Freiburg Lectures*, trans. A. Mitchell. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2012.

поломки этих напряжений (производящие *симуляцию, аллюр, причинность и теорию*). Пожалуй, этого будет достаточно в качестве краткого обобщения как моего долга перед феноменологической традицией, так и моей попытки капитализировать этот долг.

Но феноменология не была ни первой объектно-ориентированной традицией в философии, ни даже чем-то единичным в двадцатом веке. Честь быть первой подобной традицией на деле принадлежит аристотелевской философии субстанции, которую Гарсиа справедливо связывает с моей объектно-ориентированной позицией. Досократические философы, несмотря на все их различия, были *проваливателями* объектов (мой термин), редуцировавшими объекты к тому, что *меньше-чем-объекты* (термин Гарсиа). Обыденные сущности среднего размера, вроде столов, стульев и деревьев, были редуцированы или к их базовым физическим элементам (вода, воздух или атомы), или к какому-то бесформенному изначальному кому (*апейрон*). Платона же, противоположным образом, можно рассматривать в качестве *заваливателя* объектов (мой термин), того, кто редуцировал их по направлению вверх к чему-то, что *больше-чем-объекты* (термин Гарсиа). Индивидуальные сущности были заменены их видом или формой, их *эйдосом*, и таким образом индивиды рассматривались как более или менее испорченные реализации совершенной формы или идеи. Конкретные лошади – в сравнении с идеальной формой лошади – были земным мусором. Гений Аристотеля состоит в сопротивлении обеим этим тенденциям, не допуская ни редукции лошадей по направлению вниз к воде и атомам, ни редукции лошадей по направлению вверх к универсальному *эйдосу* всех лошадей. Вместо этого, индивидуальным вещам был дан статус первичных субстанций, в то время как платоновским идеям предназначался производный статус в качестве «вторичных» субстанций. Действительно, индивидуальные сущности переживали возрождение в истории философии всегда, когда преобладало аристотелевское влияние (ни в коем случае не то, как обстоят дела в нашу эпоху). Проблема с аристотелевской традицией философии субстанции – ее тенденция к предпочтению того,

что аналитические философы называют «естественными видами». Это отчетливо видно в дистинкции Г.В. Лейбница между «субстанцией» и «агрегатом», согласно которой человек является субстанцией, а круг людей, держащихся за руки, – нет. Этот привилегированный статус естественного по сравнению с искусственным разрушает любую плоскость в онтологии и, следовательно, любую универсальность в философии. Сущностям, вроде Соединенных штатов, первой танковой дивизии и корпорации Vodafone, не предоставляется такой же статус, как таким предполагаемым примитивам, как люди, лошади или деревья. Другой проблемой является христианизированная тенденция Лейбница считать, что субстанции бессметны и не могут производиться после первоначального божественного акта творения, предположение, очевидно чуждое самому Аристотелю. Моя позиция разделяет с позицией Гарсиа (хотя и в сильно отличной форме) общее стремление к плоской онтологии, которая может объяснить *все* сущности, а не только привилегированный и абсолютно вымышленный класс естественных, примитивных и вечных сущностей.

Другой объектно-ориентированный тренд в философии двадцатого века был запущен Альфредом Нортум Уайтхедом и продолжается сегодня во все более ярко выделяющейся мысли Латура. Сильным моментом этого тренда является элиминация, в принципе, любой специальной роли для *людей* в онтологии. Для Иммануила Канта отношение между мыслью и миром всегда уже было центральным: разговор о столкновении двух камней мог означать только разговор о феноменальной доступности этого столкновения для человека, чей опыт был определен пространством, временем и двенадцатью категориями, ни одна из которых не была необходимо применимой по ту сторону феноменов – к вещам-в-себе. Для Уайтхеда и Латура невозможно где-либо найти человеческий привилегированный статус, даже если некоторые критики Латура считают, что он так никогда и не отказывается от него¹⁰. Вместо этого, Уайтхед и Латур

10 См.: Alfred North Whitehead, *Process and Reality*. Corrected Edition. New York: Free Press, 1979, и Bruno Latour, “Irreductions,” in *The Pasteurization of France*, trans. A. Sheridan & J. Law. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

занимаются дегуманизированным космосом, в котором все отношения между всеми сущностями находятся на одном уровне. Человеческое восприятие дерева не отлично *по виду* от столкновения с деревом птицы или дождевой капли, даже если случай человека оказывается более запутанным и увлекательным. Все сущности находятся на одном и том же уровне по отношению друг к другу, или – как это выражает Уайтхед – в «прегензии» друг друга. Нам следует приветствовать этот аспект возникающей реляционной онтологии Уайтхеда/Латура, равно как и приветствовать ее отказ от повышения ценности одного частного типа сущности, вроде естественной, примитивной или вечной¹¹. В принципе, эти философии позволяют нам поместить предполагаемые «агрегаты», такие как машины или международные банки, на тот же уровень, что и растения, животных или атомы. Что объектно-ориентированная философия отрицает в этом философском течении, – это его тенденцию рассматривать сущности как целиком реляционные или агентивные. Для Уайтхеда сущности оказываются не чем иным, как их отношениями. Для Латура они оказываются не чем иным, как общей суммой их действий на другие сущности. Как результат, для этих двух философов нет длящихся вещей, а только умирающие мгновенные «актуальные случаи» (Уайтхед) или акторы, существующие только в одном времени и одном месте (Латур). В этом отношении Уайтхед и Латур ближе к Гарсиа, чем ко мне, несмотря на отсутствие у него очевидного интеллектуального долга перед кем-либо из них. Подобно этим авторам, Гарсиа предоставляет реальность яблоку во время t_1 , несмотря на то, что он отрицает реальность яблока-в-себе, которое бы длилось, вопреки бешено сдвигающимся характеристикам во временах $t_1, t_2, t_3, t_4, t_5...$ К этому моменту читатель должен был прочувствовать основные принципы объектно-ориентированной философии и то, каким образом она напоминает и отличается от гуссерлианской и хайдеггерианской феноменологии, аристотелевских философий субстанции и реляционных философий Уай-

11 Согласно большинству интерпретаций, Уайтхед строго различает между «атомным» и «социальным». См., например: Didier Debaise, *Un empirisme spéculatif: Lecture de Procès et Réalité de Whitehead*. Paris: Vrin, 2006. Но я остаюсь в меньшинстве в этом вопросе.

тхеда и Латура. Таким образом, мы можем вернуться к основному вопросу этой статьи: сходствам и различиям между объектно-ориентированной философией и соседствующей мыслью Тристана Гарсиа. Несмотря на то, что Гарсиа уже искусно обобщил вопрос, я представляю эту тему с немного иного угла.

2. Объект и сжатость

Приверженность плоскости Гарсиа оказывается, на первый взгляд, более радикальной, чем моя. Это отчетливо ясно из его лекции о Мейнонге, но также видно в его статье выше. Философия должна объяснять все, что существует, без редуцирования чего-либо к его причинам, его составным частям, его образам, его действиям или чему-то иному. Но в моем случае этот антиредукционизм имеет место не для всего, но для *объектов*, под которыми я понимаю унифицированные сущности, несводимые к каким-либо частным отношениям, конфигурациям, позициям или реализациям. Яблоко *per se* несводимо к яблоку как оно рассматривается в полумраке с пятиметровой дистанции. Обратное же не имеет силу: яблоко на пятиметровой дистанции, рассмотренное в полумраке, является *редуцируемым* к яблоку *per se*. Здесь есть явная асимметрия. Гарсиа прав, когда говорит, что «нашим общим теоретическим оппонентом является любой тип мышления, который отказывает в объектности каким-то объектам», с той лишь разницей, что я без проблем могу сказать, что некоторые вещи существуют, но все еще не относятся к объектам. Конечно, и они должны быть включены в философию, но отсюда не следует, что они не могут быть подчинены объекту как своему более глубинному принципу. Гарсиа беспокоит то, что это предает истинный мейнонгианский дух плоскости, со-

храняя обслуживающий класс «субобъектов», – и этот пункт лежит в центре нашего философского различия. В конце концов, призыв к радикальной плоскости Гарсиа влечет за собой то, что «не существует никакого естественного онтологического различия или иерархии между разными областями одушевленных или неодушевленных, мыслимых или немислимых объектов». Более того, для Гарсиа все *отношения* являются плоскими, до такой степени, что отношение между яблоком во времени t_1 и во времени t_2 является не более близким, чем отношение между яблоком t_1 и бульдогом, драконом или квадратным кругом. В противоположность этому, «Харман полагает, что объект не относится к своим различным временным явлениям так же, как любой объект относится к любому другому объекту. Время является привилегированным отношением между определенными объектами – манифестациями одного чувственного объекта, если быть точным». Это так, хотя я бы не стал использовать термин «объекты» для конкретных профилей яблока. Можно добавить то, что для меня и *пространство* является привилегированным отношением между тем же реальным объектом и его различными проявлениями в чувственной области. Что приводит Гарсиа к постановке обоснованного вопроса: «Это означает, что [для Хармана] для того, чтобы определить основание идентичности, надо предположить идентичность: я полагаю, что это дерево является тем же деревом весной и осенью, чтобы иметь возможность конструировать это дерево как объект во времени. По какому праву я предполагаю это?».

Мой ответ заключается в том, что этот момент продемонстрирован в моих книгах, а не просто предположен, а демонстрация может быть легко еще раз исполнена прямо сейчас. В первую очередь, мы должны различить между идентичностью реальных объектов и идентичностью чувственных, так как обоснования различны в этих случаях. Давайте начнем с чувственных объектов. Вопрос Гарсиа основывается на наглядном факте того, что весеннее и осеннее дерево обладают, очевидно, весьма различными качествами и, поэтому, любая попытка уравнивать два дерева требует следую-

щего прыжка, представляющего из себя простое предположение. Не обязательно даже полагаться на радикальный контраст между весной и осенью, так как мы уже могли бы задаться вопросом, по какому праву я предполагаю, что это дерево – то же на рассвете, в полдень и на закате, или когда оно рассматривается из каждого угла окружности, или на любой возможной дистанции. Этот способ рассмотрения вещей подводит Гарсиа очень близко к эмпиризму. Эмпирик сказал бы, что мы взаимодействуем с пучками качеств, которые, конечно, являются весьма особенными в каждом случае. Дерево всегда демонстрирует особенный аспект, на особенной дистанции и из особенного угла, на особенной высоте, зависящей от моего физического размера, в особенном настроении и в строгом множестве особенных отношений ко всем другим объектам в моем поле опыта. Для эмпирика эти крайне конкретные явления первичны, и я могу только производным образом выводить (или предполагать), что одно и то же яблоко является ответственным за ряд одинаковых явлений, которые возникают так часто, что унифицированное «дерево» по привычке принимается за известное длящееся действующее лицо в мире. Для Латура (эмпирика в смысле скорее Уильяма Джеймса, чем Дэвида Юма) дерево является дериватом его, скорее, *дерево-действий*, чем *дерево-качеств*. Но для Латура, как и для Уайтхеда, абсолютная конкретность дерева в каждый момент превосходит любую гипотезу лежащего в основе дерева, способного перемещаться между множеством различных времен года. То же верно и для позиции Гарсиа, чья плоская онтология дает место множественным воплощениям деревьев в различные моменты, но не дереву, лежащему глубже, чем эти моменты, и способному пребывать от одного момента к другому.

Основной философский жест Гуссерля заключается в том, чтобы полностью перевернуть эту ситуацию. Для Гуссерля было бы феноменологически ложным говорить, что я вижу варьирующиеся дерево-проявления во времена $t_1, t_2, t_3, t_4, t_5...$ и потом наивно полагая или допуская лежащий в основе объект, связывающий их. Вместо этого, я смотрю прямо сквозь тонкости этих явлений и прямо

схватываю дерево как единицу, узнавая его как то же дерево, независимо от его переменяющихся оттенков. Каково обоснование для этого предания привилегированного статуса интенциональным/чувственным объектам перед их переменяющимися оттенками? Все обоснование заключается в том факте, что так работает опыт. Так как мы здесь имеем дело только с чувственными объектами, существующими только для меня, наблюдателя, опыт сам по себе является судом последней инстанции¹². В чувственной области эмпирики ошибаются, предполагая, что мир состоит, в первую очередь, из четко определенных ситуаций или феноменов, и что лежащие в основе объекты в этих ситуациях являются не чем иным, как наивно положенными субстратами. Нам следует отметить, что мотивы Гарсиа и ясны, и вызывают восхищение. Объектно-ориентированная философия отрицает, что дерево может быть редуцировано или по направлению вниз к его химической композиции, или по направлению вверх к его нынешнему использованию ландшафтными дизайнерами, а Гарсиа считает, – аналогичным образом – что антиредукционизм не должен на этом останавливаться: нам не следует редуцировать дерево в *t1* к простому субобъекту дерева *per se*. С самого начала эта позиция кажется более последовательной и

12 Научная философия иногда критикует эту позицию Гуссерля на основе того, что внутренний опыт не является непогрешимым. Конечно, не является. Я могу неверно анализировать феномены до самой – и включая ее – своей психической жизни, и именно поэтому существует профессия «психотерапевта». Но нонсенсом является утверждение того, что идентичность интенционального объекта может быть определена только посредством «критериев темпоральной идентичности», таких как активация идентичных нейронных паттернов, ибо я могу ошибаться и в определении того, что эти паттерны являются идентичными. Ни одна лабораторная методология не может избежать этой проблемы. И восприятие дерева на протяжении времени, и научное заключение, что два графика показывают один и тот же паттерн нейронной активации, полагаются на одну и ту же способность различать объект и его оттенки. Например, ученый не заботится точным углом, из которого рассматриваются нейронные графики, но смотрит прямо на информацию графика без того, чтобы предоставлять дополнительные «критерии транстемпоральной идентичности» для этого второго акта. И если мы не хотим требовать критерии транстемпоральной идентичности для идентификации двух графиков и для того, чтобы ручаться, что транстемпоральные критерии, которые сейчас у меня на уме, являются теми же, что и прописанные в нашей грантовой заявке десять месяцев назад (таким образом, приходя к бесконечному регрессу подозрительного нейронного мониторинга), на «научном» этапе мы не получаем ничего, что бы уже не присутствовало в первичном опыте дерева. Дистинкцией между объектом и его акциденциями научная техника заражена настолько же, насколько и интроспекция. Для показательной современной версии научного аргумента против Гуссерля см.: страница 626 (наряду с другими фрагментами) в: Thomas Metzinger, *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. Для детальной критики этой книги см.: Harman, “The Problem with Metzinger,” *Cosmos and History*, Vol. 7, No 1 (2011), 7-36.

определенно более радикальной, чем моя. Но за эту заметную последовательность приходится заплатить, что мы увидим далее.

Утверждение Гарсиа, согласно которому мы не можем предполагать существования идентичного объекта дерева, лежащего по ту сторону конкретных проявлений, может быть также обращено против существования реальных объектов, не менее, чем чувственных. Например, по какому праву мы допускаем, что *один и тот же* подземный молот сначала безупречно работал, затем пропал, а затем открыто сломался? Почему бы не рассматривать их в качестве трех конкретно различных сущностей, а искусственно полагать единственный молот-в-себе, сокрытый за ними всеми, как будто в строгой привязанности к западной существительного-глагольной грамматике? Мгновение тому назад я пытался продемонстрировать, что единство *чувственного* объекта за бесчисленными проявлениями прямо испытывается в опыте. Эмпиристское желание рассматривать дерево во времена $t_1, t_2, t_3...$ в качестве отдельных сущностей, связанных только посредством предположения, опирается на необоснованное теоретическое решение, согласно которому объект должен меняться каждый раз, когда меняется какое-либо из его качеств. Но критерий прямого доступа подобным образом не работает в случае *реальных* объектов. Согласно определению, единство реального объекта за множеством проявлений не может быть прямо испытано в опыте в любое время, и, поэтому, может быть только дедуцировано. Мы можем выразить эту дедукцию в форме *reductio ad absurdum*: если не существует никакого скрытого молота-в-себе, но только ряд определенных молото-проявлений, тогда в мире не может случиться никакого изменения. Ибо каждое проявление уже будет всем, чем оно есть, не имеющим никакого способного подняться позже и быть испытанным в мире, излишка в запасе. Тот факт, что в мире существует изменение, демонстрирует, что нечто лежит за любыми проявлениями (это, в сущности, тот же аргумент, что и аргумент Хайдеггера против Гуссерля) и способно проявиться иначе в других обстоятельствах.

В противоположность этому, позиция Гарсиа влечет за собой отрицание какого-либо спрятанного запаса, находящегося глубже любых конкретных проявлений. Дерево в t_1 и дерево в t_2 не обладают более близким отношением, чем отношение между деревом в t_1 и мороженым, черной дырой и единорогом. Поначалу это может звучать, как радикальная приверженность идее того, что отношения являются внешними для своих членов, и может, поэтому, казаться прославлением индивидуальных объектов на плоском и демократическом уровне, в полнейшей автономии друг от друга. Но позиция Гарсиа менее плоска, чем кажется, так как «не оставля[ет] места ни для доступного, ни для недоступного в-себе». Он рассматривает объекты как *различие* между тем-что-в-них и тем-в-чем-они, между их внутренними составными частями и их внешними контекстами. В целях сравнения: моя собственная модель утверждает, что дерево является бóльшим, чем его молекулы, и меньшим, чем его нынешнее явление и использование. Несмотря на то, что Гарсиа, кажется, изначально соглашался с этим моментом, превращая объект скорее в *различие* между тем, что есть в нем, и тем, в чем он есть, чем пытаясь избежать одновременно проваливания и заваливания (как это намерен делать я), он, похоже, исполняет обе редуктивные операции одновременно. Ибо если дерево является *различием* между его физическими компонентами и его нынешней контекстуальной позицией, тогда оно будет гиперчувствительным образом зависеть и от того, и от другого. Если убрать одну иголку из сосны, это, очевидно, изменит «различие» между частями дерева и его окружающей средой, и то же случится, если свалить соседнее дерево. Единственным способом предотвратить подобную онтологическую гиперчувствительность является принятие дерева-в-себе посередине между двумя крайностями, которое не является излишне чувствительным ко всем изменениям в этих крайностях. Но с самого начала исключая вещь-в-себе, Гарсиа заканчивает с открыто *реляционной* онтологией, так как объекты теперь неизбежно переменяются, когда бы ни переменялись их внутренние и внешние отношения. Я приводил аргументы против реляционной онтологии по иным причинам, но Гарсиа, возможно, намеревался отрицать ее

в силу своей первичной приверженности плоскости. Несмотря на его видимое прославление онтологии, более инфляционной, чем мейнонговская, Гарсиа исключает из своего мира целый класс сущностей: объекты-в-себе, неисчерпанные своими нынешними отношениями. Вместо того, чтобы утверждать, что дерево *per se* и дерево в *ti* равным образом реальны, он совершенно отрицает дерево *per se*, демонстрируя, таким образом, столько же гостеприимности по отношению к не-реляционным объектам, сколько демонстрируют Уайтхед или же Латур.

Поэтому, не совсем точным является изображение Гарсиа наших взглядов на объекты и события так, будто они одинаковы. Как он пишет об этом: «Харман и я разделяем идею того, что то, что называется «объектом» (или «вещью» в моем случае) – это то, на чем, в первую очередь, основывается любое разделение мира, реального, космоса и того, что есть. Кто-то может разделять мир на события, но в итоге он закончит атрибуцией этим событиям тех же свойств, которые приписывают объектам». В *Forme et objet* Гарсиа тонко рассматривает отношение между объектами и событиями, так что я не хотел бы слишком упрощенно изображать его понимание этих терминов. Но кажется очевидным, что его понятие объекта (как различия между тем, что существует в нем, и тем, в чем он существует) больше соответствует моему понятию *события*, учитывая совершенную конкретность дерева в любой момент времени *ti*. Оба вида объектов, признаваемые моей моделью, реальные и чувственные, являются частично неопределенными по отношению к их строгим свойствам, и, поэтому, несоизмеримыми с любым конкретным событием. В отличие от этого, объекты Гарсиа лучше было бы назвать «событиями», как минимум, в том смысле, в каком я использую этот термин. Цена, которую Гарсиа платит за настойчивость в том, что события не становятся субобъектами, заключается в том, что объекты как вещи-в-себе полностью выдворяются из космоса. Плоскость сохраняется только при условии истребления любого *en soi*.

Я закончу этот ответ одним наблюдением и одной небольшой коррекцией ко в других аспектах очень точному изображению моей философии Гарсиа. Гарсиа прав в том, что у меня нет реального понятия негатива, учитывая недостаток влияний со стороны диалектической традиции. Особенной чертой концепции негатива у Гарсиа является то, что каждая вещь существует в своей противоположности: мире. «Каждая вещь – будь это мой палец или моя рука, или стол – является «вещью» в той мере, в какой она одна, то есть *одинокая* вещь, существующая только в своем негативе. Стол является чем-то – в наиболее широком и наименее определенном смысле – только тогда, когда он схватывается во *всем, что не является столом*». Здесь мы обнаруживаем яркое противопоставление между вещью и объектом, вокруг которого структурирована вся книга Гарсиа, согласно двойному разделению в оглавлении. Вещь vs. объект – это не таксономия двух различных видов сущностей, но два способа, которыми может рассматриваться вещь. Для Гарсиа вещь является одинокой, но вовлеченной в детерминированные отношения с другими объектами, или схватывая их, или будучи схватываема ими. В конце концов, все эти объекты соединяются в том, что Гарсиа называет «вселенной» (и если Гарсиа прав в том, что мы оба позволяем бесконечный регресс объектов по направлению вниз, но не бесконечный прогресс по направлению вверх, он пренебрегает тем, чтобы отметить, что у меня нет никакого понятия «вселенной», так как я не согласен с тем, что все объекты соединяются в один суперогромный объект). Меня не убеждает аргумент Гарсиа, согласно которому в-себе невозможно, ибо «если бы вещь-в-себе существовала, она могла бы быть в-себе только в мире, то есть в чем-то ином, чем она сама. Таким образом, ни одно в-себе не существует *в себе*». Этот аргумент работает только в том случае, если мы принимаем замечание Гарсиа о том, что вещь должна обладать активным отношением к миру как своей форме и другому, вместо того, чтобы это другое было просто концептуально выводимым. И здесь мы видим дальнейшее свидетельство того, насколько я менее диалектичен, чем Гарсиа, ибо диалектика, в первую очередь, озабочена негативностью, присущей скорее нашей мысли о вещах, чем

вещам самим по себе. Я не вижу никаких оснований считать, что вещи сами по себе входят в какой-либо контакт с негативом. Стул или гусь не нуждаются в «мире» как своей негативной форме и другом для того, чтобы быть индивидуальным сущим.

Но что меня здесь интересует больше, так это историческая новизна идеи мира Гарсиа. Как он видит это: все вещи разделяют общий мир. Мир является уникальной особой не-вещью, к которой относятся все вещи в их одиночестве. В истории философии такие обращения к не-вещи или супервещи, разделяемой всеми сущностями, обычно предпринимались для того, чтобы позволить не-вещи быть мостом, разделяемым всеми вещами и позволяющим им вступать в отношения друг с другом. Это верно, например, для окказионалистской традиции, в которой невозможные отношения причинности между вещами спасаются лишь присутствием Бога в качестве универсального каузального медиатора, только через одного которого вещи входят в контакт. Но Гарсиа, вероятно, впервые в истории философии совершает противоположный ход. Для него, в отличие от меня, объекты взаимно не ускользают и, потому, у них нет проблем с тем, чтобы войти в прямой каузальный контакт. Универсальная не-вещь – вместо того, чтобы быть Богом, соединяющим несоединяемое, – является миром, который отделяет то, что *уже* соединено, впервые отгораживая все вещи в индивидуальном одиночестве. Я до сих пор не уверен, чего должен достичь этот мир, но могут быть и дальнейшие твисты, которые придут с будущей разработкой этого понятия у Гарсиа.

Я закончу одним небольшим пунктом несогласия с представлением Гарсиа моей позиции. Он пишет, что «реальный объект Хармана есть в-себе, а его чувственный объект – в том, что его воспринимает. Согласно моей позиции, вещь есть вне себя, в мире, а объект есть в другой вещи». Цель Гарсиа в этом фрагменте состоит в том, чтобы продемонстрировать сходство взгляда с моим, прежде чем верно отметить «определенного рода тоновое различие» между нашими позициями. Впрочем, согласно моей позиции, чувственный

объект не находится в реальном объекте, который его воспринимает, но в бóльшем реальном объекте, содержащем *одновременно* и чувственный объект, и реальный объект, его воспринимающий. Это – моя попытка воздать должное гуссерлевской интуиции того, что интенциональность является одновременно одним и двумя. Мое столкновение с чувственным деревом не содержится во мне, реальном объекте, но в составном объекте, сформированном из одновременно меня и дерева в качестве его компонентов, и реальный я, и чувственное дерево равно содержимся в этом бóльшем объекте. То, что это означает для рассмотрения Гарсия всех отношений как отношений части-целого, не отличает его позиции от моей, так как я тоже рассматриваю два члена восприятия как части внутри целого, которое не может быть отождествлено ни с одним из них. Тем не менее, истинно и то, что модель части и целого Гарсия происходит из теории множеств, в то время, как моя ближе Гуссерлю *Логических исследований* с, возможно, добавлением щепотки панпсихизма (или «полипсихизма», как я предпочитаю).

Гарсия верно утверждает, что «[Харман] также никогда не идет так далеко, чтобы обсуждать, как это пытаюсь делать я, дефиниции человеческих видов, специецизма и антиспециецизма, социальных классов, гендера, расизма – всех видов дискуссий, которых меньше заботятся «объектами», чем объективными классификациями, применяемыми к живым вещам и обществу». Я рассматриваю это менее как темпераментную или интеллектуальную разницу, а, скорее, в качестве огромного личного достижения Гарсия. В то время как старые Спекулятивные Реалисты часто мешкали, с опаской подбираясь к полноценным системам, молодой Гарсия просто взял быка за рога, с первой попытки предоставив нам систему. Эта удача будет не наименьшим уроком, которому мы от него научимся.

Другим жизненно важным аспектом философии Гарсия является его концепция интенсивности, которая прямо впадает в его понятие времени. Но так как это тот аспект философии, который я меньше всего понимаю, и так как я до сих пор не вижу, как что-то может

быть более или менее собой в философии, где все оттенки созданы равными, я оставляю эту тему на другой раз. Опыт научил меня, что первые попытки диалога с соседствующей философией никогда в полной мере не схватывают ключевые различия достаточно отчетливо, настолько, что необходимы несколько лет для того, чтобы наладился диалог или дебаты. Именно поэтому я рассматриваю данный ответ не более, как раннюю попытку сориентироваться – не только для читателя, но и для меня самого.

Перевод: *Pastiche Project*